

О. В. ЗАИЧЕНКО

«ГЕРМАНСКИЙ МИФ»
НЕМЕЦКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ В ПОИСКАХ
«ОБЩЕГО ПРОШЛОГО» И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ*

В представленной статье на основе анализа немецкой литературы XVII–XVIII вв. делается попытка рассмотреть процесс конструирования немецкими интеллектуалами основополагающего мифа немецкой истории, выделив из него его главные составляющие: мифы о древних германцах, о германской империи, о превосходстве немецкого языка и о вожде германского племени херусков Арминии.

Ключевые слова: Германия, историческая память, национальная идентичность, конструирование национальных мифов, интеллектуальная элита, «культурная нация».

История человеческих обществ – это также история об «общем прошлом». По замечанию М. Хальбвакса, каждая общность, в т.ч. национальная, создает память о собственном прошлом – память, которая подчеркивает то, что отличает эту общность от всех других. Воссозданные в общественном сознании образы прошлого дают возможность этой группе представить свою историю – происхождение и развитие, что, в свою очередь, позволяет этому сообществу «узнавать себя в череде столетий»¹.

С тех пор как в научной среде стали все больше рассматриваться не как “естественные” формы существования, а, скорее, как продукты процессов коммуникации, можно наблюдать постоянный рост интереса к конструкциям национальной идентичности и, в особенности, национальным образам и национальной исторической памяти. Исходным пунктом многих исследований является идея о том, что представление или конструкция некоего “собственного” прошлого имеет конституирующее значение для возникновения национальной идентичности².

В исследовании коллективных образов истории и коллективных идентичностей важную роль играет анализ исторических мифов³ как существенной части обобщенного представления нации о своем прошлом, которая способствует активизации патриотических чувств и имеет в основном консолидирующий характер. Несмотря на нередко полное несоответствие этих мифов реальным фактам, они, внедрившись в массовое сознание благодаря «национально» ориентированным программам изучения отечественной истории и средствам массовой информации, становятся составной частью исторической памяти для многих поколений.

---

*Статья подготовлена в рамках проекта «Историческая память как фактор национальной идентичности: опыт сравнительно-исторического исследования» по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Историческая память и российская идентичность».

¹ Halbwachs 1980. P. 86.

² См. напр.: Anderson 1990; Elwert 1989.

³ См.: Nora 1984–1994; Schulze 2001; Flacke 1998.

В этой связи представляется интересным проанализировать процесс складывания в Новое время основополагающего для формирования немецкой идентичности германского мифа, попытаться структурировать его, выделив основные его компоненты, проследив развитие каждого в отдельности и всех вместе, как единого нарратива. Для этого необходимо на исторической временной шкале обозначить основные точки траектории развития германского мифа, которые затем определяли главный вектор дальнейшего формирования и мифологического конструкта в целом, и основных его компонентов.

Период XVII–XVIII вв. составил первую фазу развития национального движения в Германии, когда национальная идентичность существовала преимущественно в кругах ренессансной и просвещенческой интеллигенции, тогда как для основной массы населения были характерны конфессиональная и территориальная самоидентификация. В это время немногочисленный слой просвещенной элиты создает главный немецкий исторический миф – миф о древних германцах как о непосредственных предках современных немцев, ставший решающим для формирования национальной идентичности, давший, наконец, разобщенному народу с довольно туманным и аморфным прошлым отчетливое представление о непрерывности немецко-германской народной истории и сущностном единстве. Это был длительный процесс интеллектуальной работы принес свои плоды, когда Французская революция дала импульс началу новой эпохи – эпохи массовых национальных и революционных движений.

На волне освободительных войн (1813–1815 гг.) национальная идея, наконец, покидает кабинеты интеллектуалов, воображаемая национальная идентичность распространяется на идеологическое и политическое пространство. В это время пробуждается острый массовый интерес к немецкой истории, и на основе германского мифа в немецкой литературе быстро формируется разветвленная национальная мифология с множеством героев и сюжетов. Но, как уже было сказано выше, этот скачок готовился на протяжении веков образованными представителями недворянского сословия, людьми интеллектуального труда. Именно в кругах интеллектуалов, не принадлежавших к дворянству и оттесненных им от политической активности, сформировались основные исторические мифы Германии, которые, будучи пущены в ход во время наполеоновских войн, приобрели массовый характер и в дальнейшем легли в основу формирования будущей националистической идеологии, не потеряв своей актуальности и в период объединения Германии, а затем во времена кайзеровской Германии и особенно Третьего Рейха.

В этой статье мы постараемся осветить процесс конструирования немецкими интеллектуалами основополагающего мифа немецкой истории, выделив из него его главные составляющие: мифы о древних германцах, о германской империи, о превосходстве немецкого языка и о во-

жде германского племени херусков Арминии. Попытаемся также обозначить ключевые моменты развития немецкой исторической мифологии, взяв за основу важнейший для формирования национальной идентичности период между Тридцатилетней войной (1618–1648), по праву названной современниками «Немецкой» и Французской революцией (1789).

Проблематика, связанная с историческими мифами, разработана довольно подробно: в российской и зарубежной историографии заложены прочные основы теории мифа⁴, в т.ч. мифа исторического и национально-политического исторических мифов относится к сфере национальной и политической мифологии, так как, структурируя прошлое, они формируют актуальные национальные и политические смыслы.

Убедительная концепция мифа была разработана немецким историком А. Дёрнером в его исследовании о мифе Германа/Арминия. По мнению Дёрнера, мифы являются «нарративными символическими образованиями с определённым потенциалом коллективного воздействия на основополагающие проблемы организации социальных объединений»⁵. Причем символическое значение мифа подвержено историческому развитию и изменению в зависимости от запросов сконструировавшей его общности, превращаясь в мощный инструмент воздействия. Мифотворчество, как считает Дёрнер, начинается в тот момент, когда люди «усматривают в каком-либо историческом событии или личности потенциальную символическую величину, с помощью которой они пытаются передать свое видение реальности»⁶, опираясь при конструировании мифа на принятые в обществе «семантические традиции и структуры образов»⁷. Таким образом, создается символический мост между прошлым, настоящим и будущим, что делает возможным перенос специфически характерных черт, присущих центральной фигуре мифа, на всю общность, в нашем случае – на нацию, и эти черты рассматриваются как нечто ей присущее, т.е. сугубо национальное. Причем личность, стоящая в центре мифического нарратива, часто становится объектом почти религиозного культа, поскольку, как правило, воплощает в себе лучшие качества, которыми обладает, по собственной оценке, эта общность.

Важнейшая функция исторического – создание национальной идентичности. «Что является тем структурирующим элементом, вокруг которого формируется нация?» – спрашивает Этьен Франсуа в статье «Места памяти по-немецки: как писать их историю?». – И сам дает ответ на этот вопрос: «Это вера в мифы... воспринимаемая как подлинная история нации»⁸. Исторический миф несет в себе «общую генеалогию

---

⁴ См.: Эрлих 2006; Проскурина 2006; Шенк 2007; 2001; Афанасьев 1982; Кольев 2002; Minkler 2009; Politische und historische Mythen... 2006; Broder 2002; Hübner 1985.

⁵ Dörner 1996. S. 43.

⁶ Ebenda, S. 48.

⁷ Dörner 1996. S. 61.

⁸ Франсуа 2004. С. 31.

нации», которая позволяет ему действовать как инструмент ее интеграции и сплочения, выполнять функцию политического ориентира, а также стимулировать способность к коллективному действию, выступая часто в качестве политического инструмента власти или партии. При этом интеграция и идентичность возникают не только на основе воображаемых общностей (общности языка, истории, культуры и т.п.), но и из-за сознательно направляемого разграничения с внешним миром. Только в столкновении и разграничении с другими нациями собственная нация может восприниматься как неповторимая или богоизбранная.

Исторический миф, как правило, имеет многослойную структуру: это не только нарратив, но еще и соответствующие иконография и ритуалы. Помимо литературных текстов, выражением мифа было его визуальное воплощение в виде памятников, художественных полотен, карикатур и книжных иллюстраций, придававшее мифическому образу необходимую наглядность и конкретику. Нельзя забывать и о ритуальных инсценировках в виде праздников, торжественных шествий, богослужений, поминовений и других форм проявления массового почитания. Несмотря на важность всех компонентов, представленное исследование будет в основном ограничено анализом публицистики и художественных текстов, прежде всего, поэтических, как самого влиятельного и массового источника формирования исторического мифа. На протяжении веков немцы рассматривали себя как «культурную нацию», объединенную единством языка, литературы и истории. Находясь в состоянии политической, экономической и конфессиональной разобщенности, к началу XIX в. Германия смогла создать лишь один не подлежащий сомнению интегрирующий элемент – общий немецкий литературный язык, носителем которого была интеллектуальная элита. Созданная этой культурной общностью литература приобрела «надрегиональный характер», став главным средством коммуникации немецких интеллектуалов и трансляции национальных идей. В основу работы положены сочинения немецких философов, историков, драматургов и литераторов XVII–XVIII вв., а также гуманистов XVI в., оказавших наибольшее влияние на развитие исторических мифов и на их основе – национальной идентичности немцев.

* * *

Идея нации как политический и мировоззренческий феномен в германских землях начинает приобретать внятные артикулированные формы лишь на рубеже XVIII–XIX вв. Но, как уже отмечалось, этот процесс имел предысторию, одним из центральных моментов которой была Тридцатилетняя война. Поскольку формирование национального сознания опирается не только на исторические мифы и разного рода мыслительные конструкции интеллектуалов, но и на процессы фактической интеграции в социально-экономической, политической и культурной сферах, необходимо также взглянуть на состояние материальных предпо-

сылки развития немецкой национальной идентичности, которые сложились к середине XVII в., к моменту окончания Тридцатилетней войны.

В этой области существовало множество проблем. Даже само слово «Германия» казалось абстракцией, не имевшей конкретного наполнения⁹. Страны с таким названием не существовало, а для географического понятия «Германия» обладала слишком неопределенными границами, невыгодно отличаясь, например, от находившейся в похожей политической ситуации Италии. Отсутствовали и твердые политические рамки, которые могли бы придать «Германии» более определенные очертания. Священная Римская империя явно не могла справиться с этой ролью, несмотря на полученное в начале XVI в. многообещающее добавление «немецкой нации». Империя была не в состоянии дать немцам ощущение некоего единства уже потому, что ее границы были еще менее определенными, чем границы Германии географической. Имперские князья владели землями вне Империи (Венгрия, польские земли), а иностранные государи, например, короли Дании и Швеции, располагали территориями внутри нее. Границы немецкого языкового пространства также не совпадали с государственными границами Империи. Такая же неопределенность царил и в отношении ее центра, который мог бы стать для немцев точкой политического, экономического и культурного притяжения. Если итальянцы в качестве пока эфемерного, но потенциально бесспорного центра имели Рим, то немцы терялись среди изобилия древних и новых столиц, резиденций и мест коронаций императоров. К концу XVIII в. немногочисленные основные институты Империи были разбросаны по всей ее территории: император находился в Вене, короновался во Франкфурте, рейхстаг собирался в Регенсбурге, а имперская Судебная палата заседала в Вецларе¹⁰. Территориальная и политическая неопределенность сопровождалась ростом суверенитета экономически независимых друг от друга княжеств при отсутствии условий для развития общегерманской торговли, с огромным количеством внутренних пошлин и редким разнообразием денежных систем, а также системы мер и весов. Ситуация усложнялась конфессиональным разделением немецких земель на преимущественно католический юг и протестантский север¹¹. Время от времени обострялись династические противоречия внутри Империи между Габсбургами и пфальцской и баварской ветвями могущественного рода Виттельсбахов¹². Кроме того, из-за географического расположения немецкий этнос все время находился в центре международно-политических процессов в Европе. Это обстоятельство обусловило торжество соседними великими держава-

⁹ *Geschichtliche Grundbegriffe*... 1992. Bd. 8. S. 485.

¹⁰ *Duchhardt* 1990. S. 6–12.

¹¹ См.: *Schilling* 1991.

¹² *Duchhardt* 1992. S. 59ff.

ми процесса образования немецкого государства-нации. Окончательным приговором империи стал Вестфальский мир 1648 г., установивший, по сути, полный суверенитет ее отдельных территорий. В результате политическая раздробленность германских земель стала нормой как внутреннего, так и международного права. Как следствие, современное государство в германских землях развивалось не на уровне Империи, а на уровне отдельных ее частей. Не удивительно, что в условиях такой фрагментации самосознание масс и элиты также имело в основном местный характер¹³. И вообще, нормальным состоянием массового сознания на рубеже веков была полная аполитичность, преобладание насущных нужд и местных привязанностей.

Южногерманский публицист И.К. Рисбек писал в 1783 г.: «У немцев нет ничего от национальной гордости и любви к отечеству... Их гордость и чувство отечества относятся только к той части Германии, где они родились. Другим своим соотечественникам они чужды точно так же, как любому иностранцу»¹⁴. На этом уровне вопрос «кто такие немцы?» в мирное время практически не вставал, и только кризисные ситуации, например, войны, требовавшие национальной мобилизации, стимулировали поиск ответа на этот вопрос. Тогда развитие национальной идеи в среде немецкой интеллектуальной элиты получало новый импульс, и ее содержательная сторона конкретизировалась в исторических мифах об общем прошлом, сыгравших решающую роль в распространении представлений о том, кто такие немцы, и что их объединяет. Разные формы переработки и дальнейшей письменной фиксации этих мифов, а также создание новых мифов, опирающихся на древние традиции, составляют обширное наследие немецких литераторов и публицистов на протяжении более чем трех столетий. В кризисные моменты истории еще немецкие гуманисты XV–XVI вв. прибегали к подобным легендам и сказаниям о «прошлом величии», когда стремились подчеркнуть необходимость самобытного пути развития, противопоставляя «былую мощь» современному плачевному состоянию немецких земель, а также создать ощущение непрерывности исторического процесса и преемственности поколений.

В современной историографии неоднократно делались попытки структурировать германскую историческую мифологию. Все они вполне логичны и имеют право на существование¹⁵. Но нам в этом исследовании представляется целесообразным предложить еще одну классификацию и выделить из общей массы текстов основные составляющие, так называемого конституирующего мифа о происхождении и производные от него, чаще подверженные изменению и переосмыслению, мифы о героях.

¹³ Wehler 1987. S. 48-90ff.

¹⁴ Riesbeck 1997. S. 129.

¹⁵ См., напр.: Mythen und Nationen... 1998; Dörner 1996; Münkler 2009; и др.

Первая группа, составляющая главный германский миф, дает развернутый ответ на вопрос: кто такие немцы? Она составляет основу национальной самоидентификации, так как определяет важнейшие содержательные компоненты немецкой национальной идеи: общее происхождение, знаковые места исконного расселения, воображаемые константы немецкого национального характера и внешнего облика «истинного немца», обосновывает самобытность народа и его непохожесть на другие нации, а часто его превосходство над другими и богоизбранность. Как правило, это – «истории на века», которые практически не меняются с течением времени, дольше других остаются актуальными и в разные эпохи легко встраиваются в новые идеологические конструкции. К таким основополагающим мифам, следует отнести, прежде всего, миф об общем происхождении немцев от древних германцев, а также связанные с ним представления о превосходстве и уникальности немецкого языка, и развивающий дальше во времени основные идеи «древнегерманского» мифа т.н. имперский миф. Базовым в этом нарративе был миф о древних германцах как предках современных немцев. Он опирался на «Германию» Корнелия Тацита, написанную в 98 г. н.э., и обосновывал претензии немцев не только на древнее происхождение, но и на целый комплекс моральных качеств, которыми интеллектуалы наделили своих соотечественников. Задачей этого мифа, как верно отмечает Дитер Лангевисше, было «уничтожить историческое время, чтобы перенести начала собственной нации в мифическую даль»¹⁶.

Во вторую группу можно выделить т.н. мифы о героях (Арминии/Германе, Зигфриде, Фридрихе-Барбароссе, Лютере и др.), которые являются производными от первой группы основополагающих мифов: древнегерманского и имперского. Это мифы – призывы к действию, мифы противостояния врагам, борьбы, и очень часто, предательства, которые формировали не только положительный образ «своих», но и негативный образ «чужого», «врага». Они наиболее сильно активизировались в период войн и кризисов и, в зависимости от обстоятельств, наиболее часто наделялись новыми смыслами: борьба с Римом, борьба с итальянцами и французами, борьба с иностранным влиянием за национальную и культурную самобытность, борьба за государственное единство, политическая борьба с внутренними врагами за конституционные реформы и врагами внешними за политическое преобладание в Европе. В случае поражения к мотиву борьбы присоединялся мотив предательства, «удара в спину», объяснявший причины военных и политических неудач. Наиболее значимым общегерманским мифом о герое является, на наш взгляд, миф о победителе римлян, вожде германского племени херусков Арминии-Германе, ставший производным от древнегерманского мифа.

---

¹⁶ Langewiesche 2000. S. 26.

Миф о происхождении: кто такие немцы?

Важнейшие содержательные основы немецкой национальной идеи – древнегерманский и имперский мифы с ярко выраженной антироманской коннотацией, концепция превосходства немецкого языка – были заложены в эпоху гуманизма и барокко. Немецкие гуманисты рубежа XV–XVI вв. Конрад Цельтис (1459–1508), Якоб Вимпфелинг (1450–1528), Ульрих фон Гуттен (1488–1523), будучи не в силах оспаривать очевидное преобладание итальянской культуры в настоящем и стремясь доказать равноправие, если не превосходство немцев, искали компенсации в областях не столь очевидных: в истории, в моральных качествах. Как раз в это время была найдена знаменитая «Германия» Тацита, что позволило предвестникам немецкой нации говорить об «аморфном в прошлом, постоянно видоизменяющемся политическом мире между Северным и Балтийским морями, Рейном, Дунаем и Вислой как об исторически цельном – земле немцев»¹⁷. В трудах Конрада Цельтиса и его единомышленников начинают выкристаллизоваться основные понятия, которые впоследствии составят фундамент представлений о германской нации. В числе наиболее важных из них следует упомянуть такие сочинения, как «Германия к Страсбургской республике» (1501) Якоба Вимпфелинга и его же «Хвала городу Страсбургу и Рейну Якоба Вимпфелинга из Шлеттштадта» (1501) и «Краткое изложение деяний германцев» (1505); «Хвала Германии» (1501) Генриха Бебеля, «Саксония» (1505) Альберта Крантца, «Краткое описание Германии» (1512) Иоганна Лохтеля, «12 книг бесед о Германии» (1518) Франциска Иреника, «Баварская хроника» (1533) Иоганна Авентина и др.

В результате на рубеже XVI–XVII вв. в трудах немецких гуманистов создается важнейшая конструкция коллективной памяти нации на основе ее происхождения с исходным пунктом в виде «Германии» Тацита и идеи общей этнической, языковой и культурно-цивилизационной принадлежности, восходящей к древним германцам. В малом произведении римского историка, полное название которого «О происхождении и местах обитания германцев» впоследствии сократили до вполне понятного «Германия», говорилось о взгляде культурных римлян на нецивилизированный неримский мир. Описывая общественную жизнь, быт, нравы и верования древних германцев, Тацит, в частности, писал: «Я склоняюсь к тому, что германцы являются исконными обитателями этой земли, а смешение с другими народами или взаимодействие с другими племенами оказало на них ничтожное влияние... Что до меня, я склонен считать, что германские народы никогда не сочетались браками с другими народами и поэтому являются особой нацией, чистой и уникальной в своем роде. Поэтому физический облик их... повсюду одина-

---

¹⁷ Доронин 2007. С. 238.

ков: неистовые голубые глаза, рыжеватые волосы и огромные сильные тела. Они храбры и добродетельны, но особенно отличаются там, где требуется исключительная физическая сила»¹⁸.

При этом слова «германцы» и «варвары» для Тацита – синонимы, Германцы бедны и склонны к пьянству, а их религия унижает человеческую личность, но в целом, при сравнении с разложившимся Римом, эти варвары выигрывают: бедность германцев порождает не только дикость, но и нравственную чистоту, которой лишены соотечественники римского историка. Противопоставляя искусственность и вырождение римской цивилизации – природной естественности, жизненной силе и наивности германского варварства, Тацит, в определенной мере, способствовал дальнейшей идеализации германцев и «варварства» в целом, ставшего знаком самобытности и свободы от римского влияния, борьбы с культурным и физическим порабощением со стороны Рима.

Труд Тацита имел колоссальное и даже во многом определяющее значение для всего последующего развития немецкой идеи нации. Сочинение римского историка было найдено в 1425 г., когда известный итальянский гуманист, папский секретарь Поджо Браччолини получил от монаха из Герсфельдского аббатства инвентарную опись ряда рукописей, в числе которых находилась рукопись малых произведений Тацита¹⁹. В 1470 г. малые произведения, в том числе и «Германия» были опубликованы в Венеции. Немецким гуманистам, с «характерным для них преклонением перед античностью», это сочинение внушило убеждение в том, что их предки являлись исконными поселенцами германской территории²⁰, всегда были свободны, храбры и отличались высокими нравственными качествами.

Дальнейшее развитие национальной идеи и, связанных с нею основополагающих мифов, произошло в эпоху Тридцатилетней войны, получившей у современников название «Немецкой» не только потому, что основным театром военных действий стали именно немецкие княжества. Эта война, являясь, по сути, «многоуровневым европейским конфликтом», стала огромным «потрясением для всего немецкого народа»²¹. Если французская оккупация и освободительные войны первой половины XIX в. были временем основного оформления национальной идеи, то «Немецкая» война (1618–1648 гг.) и вызванное ею ощущение общегерманской катастрофы, дали первый мощный толчок к появлению ростков национального самосознания и складыванию представлений о единой Германии. И как в начале XIX в., главными носителями нарождающегося общегерманского патриотизма были интеллектуалы XVII в.,

¹⁸ Тацит 1993. Т. 1. 334.

¹⁹ См. Тронский 1993. С. 596.

²⁰ Там же. С. 598.

²¹ Schmidt 2002. S. 150.

лидеры и идеологи движения за развитие и популяризацию немецкого языка, известные литераторы и публицисты, такие как Мартин Опиц (1597–1639), Георг Филипп Гарсдёрфер (1607–1658), Андреас Грифиус (1616–1664), автор популярного романа «Приключения Симплициссима» Ганс Якоб Кристоф Гриммельсгаузен (1625–1676), главный идеолог общегерманского движения языковых обществ писатель и филолог Юстус Георг Шоттель (1612–1676) и мн.др.²². Как пишет в своем исследовании А.В. Лазарева, практически все они составляли то военное поколение, на которое Тридцатилетняя война произвела неизгладимое впечатление. Получив хорошее университетское образование и реализовав себя на государственной службе, главной темой своих произведений они сделали судьбу Германии и ее народа²³. Печальное настоящее заставляло их более пристально вглядываться в прошлое. Неудивительно, что в основу конструирования нового национального мифа они положили вновь обретенную «Германию» Тацита.

Для образованных немцев эпохи Тридцатилетней войны сочинение Тацита стало той исходной точкой, из которой они выводили, во-первых, древность происхождения немцев, а во-вторых, комплекс нравственных качеств и достоинств, которыми Тацит наделил германцев, и которые в полной мере унаследовали их воображаемые «потомки»²⁴. Впоследствии весь разработанный ими набор «немецких преимуществ» вошел в состав идеологических конструкций их последователей вплоть до XX в. Термины «немцы» (*die Teutschen*) и «германцы» (*die Germaner*) в их трудах получают знак тождественного равенства²⁵.

У Тацита нет конкретных данных о времени заселения германцами их территорий, однако он писал о «древности происхождения» германцев²⁶. Исходя из этого, немецкие литераторы начали развивать свои собственные идеи о том, когда же предки немцев заселили территории «между реками Рейном и Дунаем». В частности, на древнее происхождение германцев, по их мнению, указывал тот «факт», что именно римляне перенимали германские обычаи, а не наоборот²⁷. В свою очередь, древность рода обуславливала превосходство немцев над другими европейскими «нациями». На фоне «благородных германцев» образ римлян, которые в некоторых работах уже воспринимались как предки романской группы европейских народов, сознательно принижался в ренессансной литературе, что способствовало созданию впечатления о явном превосходстве современных немцев над итальянцами и французами, которые не могли похвастаться такой древностью своих корней. Скон-

---

²² См.: Лазарева 2008.

²³ Там же. С. 13–14.

²⁴ *Langewiesche D.* Op. Cit. S. 45.

²⁵ См., например: *Opitz* 1888. S. 38.

²⁶ *Tacitum K.* О происхождении германцев... С. 338.

²⁷ См., например: *Borinski* 1886. S. 17.

струированный подобным образом постулат о немецком превосходстве лег в основу борьбы с культурным засильем итальянцев и французов: если «немцы – самая древняя из всех наций на земле»²⁸, то им «не следует искать мудрости у иностранцев»²⁹. Опираясь на традицию, заложенную Тацитом, литераторы создавали миф о своих общих предках как о людях высоких моральных качеств: чистых, благородных, отважных, не испорченных порочными нравами римлян. Таким образом, древние германцы превращались в нравственный идеал для современных немцев. Интерпретируя труд Тацита, немецкие интеллектуалы делали основной упор на силу, смелость и сплоченность, которые неизменно вели их предков к победам.

Важной составляющей формирующегося германского мифа, также взятая на вооружение последующими поколениями интеллектуалов, стала тема автохтонности и природной «чистоты» языка и расы. «Что касается германцев, – писал Тацит, – то я склонен считать их исконными жителями этой страны, лишь в самой ничтожной мере смешавшимися с прибывшими к ним другими народами»³⁰. Мотив расовой чистоты германцев активно использовался публицистами, которые апеллировали к ней как к высшей инстанции, считая, что именно «чистота наших славных предков» давала им силы³¹. Древним германцам приписывались и другие качества, которые авторы хотели бы видеть в современном им обществе. Прежде всего, это свобода и единство, особенно востребованные в годы территориальной раздробленности и борьбы с иностранными завоевателями. По мнению немецких литераторов, наиболее четко выраженному поэтом Иоганном Клайем Младшим (1616–1656), во времена древних германцев «Германия была свободна от иноземной власти..., как об этом уже писал благородный римлянин Тацит более 1500 лет назад»³². Вторым по популярности был тезис о территориальном единстве немецких земель в древности: «Не городились заборы, не существовало пограничных камней»³³. Таким образом, опираясь на сочинение Тацита, немецкие литераторы в период Тридцатилетней войны сформулировали основное положение, легшее в основу тезиса об уникальности и богоизбранности немцев: по причине своей древности и автохтонности германцы «искони составляют особый, сохранивший изначально чистоту и лишь на себя самого похожий народ»³⁴. Тема необходимости возвращения и культивирования исконно немецких качеств стала лейтмотивом там, где речь шла о германском мифе.

---

²⁸ *Grimmelshausen* 1972. Bd. 3. S. 220.

²⁹ *Ibid.* S. 211.

³⁰ *Tacitum* 1993. Т. 1. С. 339.

³¹ *Klaj J. Lobrede der Teutschen Poeterey...* S. 379.

³² *Ibid.* S. 380.

³³ *Ibid.* S. 371.

³⁴ *Tacitum* 1993. Т. 1. С. 339.

Мифы, активно использовавшиеся публицистами и поэтами в своих сочинениях, способствовали созданию не только картины героического исторического прошлого, но и образа самих немцев. В первую очередь речь идет о немецком национальном характере. Представления о себе резко контрастировали с представлениями о других: безнравственных и испорченных наследниках римлян – итальянцах, а затем и французах. Нередко в сочинениях нескольких поколений немецких интеллектуалов звучали обвинения в адрес французов как народа, утратившего свои традиции, не имеющего ни собственного языка, ни даже имен, чуждого добродетелям, несостоятельного в своих претензиях на главенство в христианской империи. Еще Авентин представлял французов «злом из ящика Пандоры», явившего миру «все несчастья, от коих произошли самые разнообразные эпидемии и болезни, лихорадка, чума, язва», но французы превзошли все³⁵.

Здесь срабатывал «фактор зеркальной противоположности», представление, что все негативные качества, которые есть у «врагов», абсолютно чужды самим себе. Поэтому в сочинениях поэтов, писателей, публицистов сложился идеализированный образ немца, приводивший, в свою очередь, к идеализации всей немецкой нации. Позитивный образ немцев достигался с помощью ссылок на «седую древность». Исходным для такого портрета опять послужил мифологизированный образ древних германцев. Германцы обладали «верностью, смелостью, воинственностью», т.е. теми качествами, которые «способны украсить нацию», как выразился Юстус Георг Шоттель³⁶. Обозначенный интеллектуалами комплекс характерных черт являлся, по сути, концентрацией того, что они называли в своих сочинениях «древними немецкими добродетелями, к которым постоянно апеллировали»³⁷. Как отмечает А.В. Лазарева³⁸, немецкую добродетель поэты подчеркивали во всем – от быта («не забывайте добродетель, когда принимаете пищу», – советовал Георг Филипп Гарсдёрфер³⁹) до поля боя («Марс не покинет добродетельных», – был убежден страсбургский поэт Исаяя Ромплер фон Лёвенгальт⁴⁰). Под немецкими добродетелями они подразумевали очень широкий круг положительных качеств. «Усердье, преданность, честь немца» дополняли и скромность, и честность, и великодушие, и отвага, и мужество, и стойкость и др. Именно немецкая добродетель давала, по мнению Ганса Якоба Гриммельсгаузена, его соотечественникам право называть себя «самой смелой, самой благородной и самой древней нацией под солнцем»⁴¹.

³⁵ Доронин 2007. С. 249.

³⁶ Schottel 1967. Bd. 2. S. 189.

³⁷ См.: *Grimmelshausen*. 1972. S. 73.

³⁸ См., например: Лазарева 2013.

³⁹ *Harsdörfer* 1998. S. 75.

⁴⁰ *Rompler von Löwenhalt* 1988. S. 12.

⁴¹ *Grimmelshausen* 1972. S. 26.

Древность и благородство в представлениях писателей и публицистов эпохи Тридцатилетней войны были неотъемлемой составляющей немецкой идентичности. Немецкой древностью гордились. Часто поэты называли своих соотечественников «благородными», рассказывая об их достоинствах. «Национальные» черты носили в основном декларативный характер, их упоминали для создания портрета «истинного немца».

Древнегерманский миф, основанный на произведении Тацита, несмотря на далеко идущие параллели, был ограничен во времени античностью. Следовавший за ней имперский период немецкой истории также нуждался в своем мифе. Причем имперский миф должен был сохранить преемственность с предыдущей эпохой римского владычества и начинался там, где предыдущий миф заканчивался: с падения Рима и захвата его германскими племенами. Миф о «великой немецкой Империи», как часть общего исторического нарратива, также оказал большое влияние на формирование немецкой идентичности, хотя и не получил такого всеобъемлющего распространения как миф о древних германцах. Первыми вклад в становление легенды об имперском величии немцев внесли гуманисты, доказывая преемственность Священной Римской империи от Древнего Рима и империи Карла Великого и заявляя об особых качествах немецкой нации как носителя имперской идеи. Конрад Цельтис одной из программных задач основанного им кружка гуманистов считал «изображение блестящих подвигов нации и ее имперского достоинства как наследницы Рима». Уже в 1492 г. при вступлении в должность профессора Ингольштадтского университета, Цельтис утверждал, что немцы от природы наделены добродетелями, дающими им моральное право считать себя наследниками Римской империи, которыми они стали на деле благодаря “*translatio imperii*” (переносу империи) на империю Карла Великого⁴². В свою очередь, Якоб Вимпфелинг оспаривал у французов «права» на Карла Великого, утверждая, что тот был немцем. Престиж и превосходство немецкой нации над другими, основанные, прежде всего, на культурных достижениях и обладании Империей, также играли большую роль для Ульриха фон Гуттена⁴³.

Созданию образа самой могущественной мировой державы – немецкой Империи – способствовала библейская легенда о четырех последовательно сменяющих друг друга империях. «Учение о четырех великих царствах», было взято на вооружение еще немецкими гуманистами⁴⁴. Мировая история рассматривалась как последовательность четырех царств – Ассирийского, Мидийско-Персидского, Греческого и Римского. Первое из четырех царств было царством Навуходоносора, а четвертое царство должно разрушить все остальные и само остаться навеки. Свя-

---

⁴² См.: *Celtis* 1932.

⁴³ См.: *Hardwig* 1994. S. 15-30.

⁴⁴ *Lübbe-Wolf* 1984.

щенная Римская империя провозглашалась наследницей древнего Рима⁴⁵ и последней земной империей. И тут вставал главный вопрос: кто – итальянцы, французы или немцы – наследует славе, власти и культуре Рима и принимает на себя бремя забот о будущем христианства. Патриоты единой Германии противопоставляли политическим амбициям французского королевства и папского престола исторический континуитет: акт переноса империи и культуры на германскую нацию через Каролингов расценивался ими как законное основание для притязаний на особую миссию в рамках христианской ойкумены, объявляя правление Карла Великого началом возрождения Римской империи. Неудивительно, что именно он стал ключевой фигурой в споре немцев и французов за корону императора Священной Римской империи, национальным символом для тех и других и одним из объектов мифологизации. Именно поэтому Якоб Вимпфелинг проявил такое остроумие, доказывая, что Карл Великий был немцем, и никак не мог быть французом, хотя в VIII в., веке племенных образований еще не существовало ни немцев, ни французов в их современном понимании⁴⁶.

Стоит подчеркнуть два вывода, сделанных на основе создаваемого в этот период имперского мифа: политический – претензии на универсальное господство, обладание монархией принципиально иного калибра; метафизический – на немцах заканчивалась земная история, они – финал, дальше уже Пятое царство – царство Божие. Это, бесспорно, укрепляло национальную гордость. Отождествляя себя с древними германцами, немецкие литераторы писали о немецком завоевании Рима, что, по их мнению, привело к перерождению и оздоровлению погрязшей в пороках империи. Таким образом они пытались доказать, что немцы выступили не только как наследники, но и спасители, и обновители Римской империи. Они избавили ее от пороков, приведших Рим к гибели, «наполнив римскую форму немецким содержанием». «Как мякину с гумна разносит летний ветер, / так немцы атаковали и завоевали Рим / Только имя оставили себе / победители от побежденных», – писал Клай⁴⁷. В исполнении Божьей кары – разрушении погрязшего в пороках Рима, и создании четвертой и последней, согласно пророчеству Даниила, империи на Земле – Священной Римской империи германской нации, немецкие интеллектуалы нескольких поколений видели высшее предназначение и божественную награду немцам за их благочестие.

Санкцией Бога в рамках христианского мировоззрения должны были подкрепляться претензии того или иного народа на лидерство. Поэтому благочестие становится неотъемлемой характеристикой немцев и, как следствие, принципиальным аргументом в политической

⁴⁵ Lübbe-Wolf 1984. S. 370.

⁴⁶ См. Wimpfeling 1967. S. 25 - 27.

⁴⁷ Klay J. Geburtstag des Friedens... S. 301.

полемике. Как уже отмечалось выше, в описании Тацитом высоких моральных качеств германцев, которое должно было служить для критики разлагающейся современной ему римской морали, и не более того, немецкие интеллектуалы увидели подтверждение и знак богоизбранности собственной нации, что позволило ей занять особое место в христианском мире. Как писал еще Х. Бебель в своей «Похвале Германии»: «Именно наши немецкие властители, будучи образцами нравственности, приняли на себя все заботы, все тревоги, всю ратную работу во имя служения Господу и вере, а также благоденствия и роста христианской империи»⁴⁸. В этом контексте порочность и пренебрежение добродетелями неизбежно влекли за собой божественную кару – разрушение империи и ее перенос. Спор о том, какая нация более нравственна, а потому более достойна наследовать Риму, приобретал важное политическое значение, создавая благодатную почву для национальных мифов.

Имперский миф, кроме доказательства превосходства немцев над французами и итальянцами, содержал еще один важный мотив – это мотив внутреннего единства. Заменяя «Римскую» империю на «Немецкую», идеализируя прошлое, поэты писали о будто бы существовавшей некогда единой стране «Германии»: «Пока немецкие земли / были вместе, и не существовало пограничных камней, / Германия была величайшим государством в мире»⁴⁹.

В качестве одной из составляющих германского мифа может также рассматриваться идея о превосходстве немецкого языка, распространение которой связано с Реформацией. Унифицирующее воздействие распространения перевода Библии с латыни на немецкий язык, сделанного Лютером, положило начало немецкому литературному языку. Бытовало мнение, что перевод Библии придал немецкому языку святости, «потому что древнееврейский и греческий являются священными языками, поскольку на них составлены Ветхий и Новый Заветы. Каждый язык, который с помощью перевода доносит слово Божье, освещается таким образом»⁵⁰. Язык соединил немцев, «сделав слово Божье понятным каждому», став «главной опорой немцев»⁵¹.

В XVII в. возникло учение о немецком как «главном языке», «языке героев», противопоставляя современному упадку Германии язык, как «голос из героического прошлого». Участники т.н. языковых обществ, которые повсеместно возникли в университетских городах, разрабатывали иерархию европейских языков и утверждали, что немецкий – древнейший и наиболее богатый. На этом основании «языковые патриоты» всерьез спорили о таких вещах, как участие германцев в осаде Трои или

⁴⁸ *Bebel* 1967. S. 34.

⁴⁹ *Klaj J. Geburtstag des Friedens ...* S. 302.

⁵⁰ *Schottel* 1967 Bd. 2. S. 489.

⁵¹ *Ibid.* S. 490.

возведении Вавилонской башни. Немецкий язык, во-первых, подразумевал обязательное наличие комплекса положительных, изначально заложенных в каждом немце качеств. Во-вторых, немецкий язык воспринимался литераторами как «совершенный», не такой, как остальные. В-третьих, он был «чистым» языком без иноязычных примесей, а, следовательно, и порочности древнего Рима, присущих латыни и романской языковой группе. И, наконец, в-четвертых, язык воплощал в себе немецкий национальный дух. Именно в нем поэты, писатели, публицисты видели отражение «немецкой сути».

В целом этот путь развития национального языка – от обоснования равенства с другими европейскими языками до открытых доказательств его превосходства – напоминает основные моменты процесса становления «национальных мифов». В качестве непреложного доказательства равенства с латынью, немецкие филологи обращали внимание в первую очередь на древность родного языка. Древность в данном случае была непререкаемой отправной точкой, связывавшей немцев с их идеалом – германцами. Немецкий язык, по мнению литераторов, был самым природным, самым естественным из всех европейских языков. Само звучание немецких слов наибольшим образом соответствовало тем звукам, которые существуют в природе. Родной язык, писал Гарсдёрфер, «рычит как лев, ревет как вол, бурчит как медведь, блеет как овца, хрюкает как свинья, лает как собака, шипит как змея, ... мяукает как кошка, гогочет как гусь, ...журчит и шумит с водой, шепчет с ручьями, жужжит с пчелами, грохочет с громом, сгибается и потрескивает как горящее полено, лязгает как железо – и воспроизводит все звуки, какие только можно услышать»⁵². В утверждении «природности» немецкого языка латентно содержалась заявка на его превосходство над другими, так как они автоматически должны были мыслиться как более «искусственные».

Связь немецкого языка с природой свидетельствовала о его «чистоте», потому что природа изначально не несла на себе отпечатка человеческих пороков. Французский, испанский, итальянский языки происходили от римской латыни и уже были отмечены печатью слабости и разложения позднего этапа римской истории, в то время как «благородные предки немцев» «еще в те далекие времена всячески избегали порока». Таким образом, немецкий был по сути единственным в мире языком, лишенным отпечатка «порочности римлян»⁵³. В целом, мотив чистоты древних германцев, а соответственно всех немцев, и их языка поэты выводили, опять основываясь на «Германии» Тацита.

Идея близости родного языка к природе, мотив «чистоты» приводили интеллектуалов к выводу, что именно немецкий может считаться «языком Бога». Бог заключает в себе силу природы, значит, божествен-

⁵² *Ahlzweig* 1994. S. 53.

⁵³ *Ibid.* S. 21-22.

ным может быть лишь тот язык, который наиболее адекватно передает природные звуки. Ни один из других европейских языков не может сравниться в этом с немецким: «Другие европейские языки пытались воспроизвести то, что под силу было лишь немецкому языку, но не смогли и признали его главенствующее положение»⁵⁴. Шоттель развил мысль о том, что превосходство немцев над другими было заложено изначально: их происхождение имело божественный характер, соответственно и их язык является более совершенным по сравнению с другими⁵⁵. Такое мнение разделялось многими немецкими литераторами и учеными. Апелляция к Божьей воле, сотворившей немцев и их язык, была одним из главных козырей в защите национальной самобытности.

С точки зрения последующего развития национальной идеи особенно важным является не только утверждение о древности, чистоте и превосходстве немецкого языка, но и увязывание с этими качествами самих немцев, их политического положения и их нравственного превосходства. Как известно, например, философ и языковед Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716) связывал особые качества немцев именно со свойствами их языка – единственного оставшегося не смешанным⁵⁶. Своего рода квинтэссенцией сложившегося к началу XVIII в. немецкого национального мифа можно считать уже цитированное нами произведение писателя и поэта Юстуса Георга Шоттеля «Подробная работа о главном языке немцев», где, в частности, сказано: «Немцы – древнейший народ; они обладают последней мировой империей; их отличают особые добродетели – верность, мужество, а также количество героев; немцы говорят на главном языке – богатом и чистом; они располагают выдающимися культурными достижениями, именно они изобрели книгопечатание, порох и пушку; ни один народ не выдерживает сравнения с немцами»⁵⁷. Все эти аргументы, включая изобретение пороха, будут воспроизводиться немецкими националистами вплоть до XX в.

Миф о герое: борьба с внешним врагом

Создавая свой главный исторический миф, нарождающаяся германская нация нуждалась также в новых символах, героях, знаковых фигурах, с которыми она могла бы идентифицировать себя и персонифицировать те положительные качества, которые она сама себе приписывала. В эпоху Возрождения такими фигурами становятся, как правило, противостоящие Риму эпические вожди с харизматической аурой. Так по всей Европе возникают новые мифы о героях: в Германии – об Армии, одержавшем победу над легионами Вара; во Франции – о Верцингеториксе, объединившем для борьбы с Цезарем галльские пле-

---

⁵⁴ Schottel 1967. S. 96.

⁵⁵ Ibid. S. 98.

⁵⁶ Richter D. 1996. S. 188.

⁵⁷ Schottel 1967. S. 120.

мена; в Англии – о Боадицее, противостоявшей легионам Нерона; в Голландии – о Цивилисе, возглавившем восстание ботавов и т.п. Миф об Арминии составлял важную часть германского мифа, так как в нем воплотилось то, что гуманисты называли «духом немецкой нации».

Первые упоминания об Арминии, вожде германского племени херусков, были связаны с обнаружением в 1509 г. манускрипта с «Анналами» Тацита, а в 1515 г. – «Римской истории» Гая Веллея Патеркула (19 г. до н.э. – 31 г. н.э.). В них речь шла о так называемой битве в Тевтобургском лесу: в 9 г. н.э. (предположительно в последней декаде сентября) восставшие германские племена уничтожили три римских легиона, которыми командовал наместник Галлии и Германии Публий Квинтилий Вар. «Варово побоище» (*clades Variana*), как назвали этот разгром римляне, стало поворотным пунктом в истории Европы: уже завоеванная территория между Рейном и Эльбой оказалась утраченной, потеряны были плоды двадцатилетних военных усилий Рима, а все позднейшие попытки восстановить *status quo* оказались безрезультатными.

Коалицией германских племен руководил вождь племени херусков Арминий, который прежде находился на римской службе и даже был причислен к сословию всадников. Судьба молодого вождя, который не только разгромил одну из сильнейших римских армий, но и сумел отразить мощное римское контрнаступление 14–16 гг., оказалась трагической. Тацит отдает должное масштабу его личности: «Притязая после ухода римлян... на царский престол, Арминий столкнулся со свободолюбием соплеменников; подвергшись с их стороны преследованию, он сражался с переменным успехом и пал от коварства своих приближенных. Это был, бесспорно, освободитель Германии, который выступил против римского народа не в пору его младенчества, как другие цари и вожди, но в пору высшего расцвета его могущества, и хотя терпел иногда поражения, но не был побежден в войне. Тридцать семь лет он прожил, двенадцать держал в своих руках власть; у варварских племен его воспевают и по сей день; греческие анналы его не знают, так как их восхищает только свое, римские – уделяют ему меньше внимания, чем он заслуживает, ибо, превознося старину, мы недостаточно любопытны к недавнему прошлому»⁵⁸. Итак, основные слагаемые мифа здесь налицо: исполинская фигура героя, свершившего великий подвиг – освобождение своей страны от иноземных поработителей, его предательское убийство своими же приближенными; наконец, его вечная жизнь в народных сказаниях.

Если первый толчок к развитию германского мифа дали немецкие гуманисты, то и начало созданию героического мифа об Арминии положил один из них, Ульрих фон Гуттен (1488–1523). Уже в «Послании к Фридриху Саксонскому» Гуттен обращается к истории древних германцев, восхищаясь племенами херусков и хавков, которые во время войны

⁵⁸ Тацит 1993. Т.1. С. 34–35.

с Римом явили образец величайшего мужества. Именно они дали Германии Арминия, самого доблестного из полководцев всех времен и народов, что признавали даже враги. «Не только свой родной край, но и всю Германию вырвал он из лап римлян, которые находились тогда на вершине славы и могущества»⁵⁹. В подражание «Разговорам в царстве мёртвых» древнегреческого поэта Лукиана в 1519 г. он написал на латыни небольшое сочинение под названием «Арминий или Диалог, в коем любимейший сын отечества возносит отечеству хвалу», которое было опубликовано лишь в 1529 г., спустя шесть лет после его смерти. В нем Гуттен задается вопросом: «Какие же чувства испытывает теперь в царстве мертвых наш избавитель, видя, что мы по-рабски служим трусливым попам и изнеженным епископам, меж тем как он сам не потерпел владычества доблестных римлян, хозяев и господ мира? Разве не стыдно ему за свое потомство?»⁶⁰. Для Гуттена римское владычество продолжается, выродившись в притязания римско-католической церкви. В вожде германского племени херусков он видит пример для современных немцев в их борьбе против основного врага – римского престола. По сюжету «Диалога» полководцы древности – Александр Македонский, Сципион Африканский, Ганнибал и другие – обсуждают в царстве мертвых: кто же из них является величайшим героем. В этот момент у Гуттена появляется забытый всеми Арминий и заявляет о своих правах на первенство, которые подтверждают Тацит и античные боги. Тацит свидетельствовал о том, что, преодолев предательство отца жены и братьев, оплакав пленение беременной Туснельды, в нищете, покинутый всеми, Арминий продолжал свой путь, чтобы вернуть германцам свободу, прекрасно понимая, что «безопасность отечества зависела только от него одного»⁶¹. Кульминацией повествования стал монолог Арминия, в котором он поведал собравшимся полководцам о своей борьбе с римлянами и о ее мотивах. «Об этом могут засвидетельствовать в царстве мертвых, как яростно я сражался против предателей отечества и его врагов. В короткий срок мне удалось прогнать римлян из Германии и по сей день они больше ничего не могут сделать. Я осуществил объединение Германии и, наконец, начал наслаждаться достигнутой свободой. Мною двигало не стремление к славе и корысти, а стремление к добродетели. Я разбил римлян не для того, чтобы мне поставили памятник. Я боролся не ради богатства и славы. Моя единственная цель – вернуть отечеству насильно отнятую свободу»⁶².

Вложив в уста Арминия гуманистический манифест сторонников Реформации и ненавистников Рима, Гуттен заложил основы будущего

---

⁵⁹ *Hutten* 1943. S. 47-48; *Гуттен* 1959. С. 385.

⁶⁰ *Hutten* 1996. S. 191.

⁶¹ *Ibid.* S. 194.

⁶² *Ibid.* S. 197.

героического образа Арминия – борца за свободу (в т.ч. и религиозную) и единство нации. Не удивительно, что почитание вождя херусков стало частью протестантской культуры. В дальнейшем, освободитель Германии будет эффективным идеологическим орудием на все случаи жизни, которое всегда можно мобилизовать в кризисные моменты, чем-то вроде спасителя немцев, и не только их, как от внешнего, так и от внутреннего угнетения. Как писал в предисловии к своей биографии «Немцы и их мифы» берлинский политолог Г. Мюнклер: «Как только разгорались споры об интересах немецкой нации, о свободе и единстве немецкого народа – сразу всплывал Арминий. Политикам он был нужен, когда появлялись “враги”: либо внешние, такие как Рим, Франция или Польша в определенные исторические периоды, либо внутренние – евреи, например. При чем в интерпретации политиков образ Арминия никогда не был самостоятельным, он блекнет без неприятеля, антагониста. Даже в ГДР он был первым «революционером», борцом за классовую справедливость, противником «римского империализма»⁶³. Таким образом, объединение германских племен против Рима и сенсационная победа над римлянами на протяжении веков с легкостью переносилась авторами многочисленных сочинений об Арминии на современную им ситуацию и собственных врагов. В XVI в. таким врагом в глазах многих немецких патриотов и реформаторов была римская церковь, а также Франция, которая находилась в продолжительном конфликте с германскими императорами.

Далее популярность Арминия шла по нарастающей: он провозглашается символом свободы и победы немцев над засильем римских пап, как например, в «Баварской хронике» 1533 г. Иоганна Авентина. Или как в небольшой книжке коротких стихов Буркхарда Вальдиса (1490–1566) «Происхождение и обычаи двенадцати первых королей и князей немецкой нации», которая зачислила Арминия в ряды мифических немецких королей и родоначальников правящих династий⁶⁴.

Однако имя «Арминий» мало подходило для немецкого героя, как и имя его брата Флава, потому что имело не германское, а римское происхождение. Возможным германским именем, передававшим то же самое значение «воин», «боец», что и латинское *Arminius*, стала форма Герман (*Hermann*). Превращение Арминия в Германа происходит, как известно, в период Реформации. В печатном виде имя Герман вместо Арминия впервые появляется у Мартина Лютера в его «Застольных речах», а именно, в 1530 г. при истолковании 82-ого псалма. Это онемечивание в сочетании с развивающимся национальным самосознанием в ходе “освободительных войн” в начале XIX в. привело к тому, что в литературе, публицистике, изобразительном и музыкальном искусстве немецкий «Герман» все больше вытеснял латинское имя «Арминий».

⁶³ Münkler 2009. S. 9.

⁶⁴ Kösters 2009. S. 108.

Также и «clades Variana» («побоище Вара») со временем утратило свое латинское звучание, сначала превратившись просто в «битву в Тевтобургском лесу», а с XVII в. в связи с развитием культа «победоносного немецкого героя» – в «битву Германа» и уже в таком виде вошло в современную память немцев. К этому же времени окончательно сформировалась антитеза «Германия/Герман – Рим/Вар», которую первыми использовали гуманисты, а своего высшего развития она достигла у Лютера, с его лозунгом «Прочь от Рима!». Именно в ходе начатой Лютером борьбы против засилья римско-католической церкви последняя стала отождествляться с алчным Римом древности, стремившимся поработить свободолюбивых германцев⁶⁵. В этой связи культ немецкого Германа, победителя Рима, получает новое звучание.

К середине XVII в. Арминий-Герман твердо обосновался в составе немецких героев и во многих сочинениях представлял как символ борьбы и гарант немецкой свободы и независимости. Тридцатилетняя война и осмысление германского мифа немецкими литераторами способствовали росту интереса к Арминию и к истории противостояния древних германцев римской экспансии. Как и сто лет назад борьба с чужеземными поработителями остается главной темой истории, только меняется внешний враг: папа и итальянцы уступают место французам. Например, против французской экспансии на Рейне была направлена одна из самых монументальных литературных обработок этого героического сюжета, принадлежавшая перу знаменитого драматурга и поэта немецкого барокко Даниэля Каспера фон Лоэнштейна (1635–1683). Его исторический роман «Арминий и Туснельда», опубликованный уже посмертно в 1689/90 гг., имел огромный успех у современников, остро чувствовавших его политическую подоплеку⁶⁶.

К началу XVIII в. миф об Арминии получает общегерманское распространение и признание. Героический сюжет стал очень популярен у драматургов. В 1743 г. поэт Иоганн Элиас Шлегель (1719–1749) представляет публике трагедию «Герман», которая стала первой немецкой национальной драмой⁶⁷, выдержанной в народных поэтических традициях, поэтому неудивительно, что пьеса начиналась с хвалебной песни старым немецким добродетелям, вольно трактуя Тацита. В 1749 г. знаменитый просветитель, автор «Оснабрюкской истории» Юстус Мёзер (1723–1798) закончил работу над эпической драмой «Арминий», в которой решительно отвергал упрек Тацита в адрес германцев в дикости и варварстве. Но высшей точки художественного воплощения в XVIII в. героический миф об Арминии/Германе достиг в творчестве поэта Фридриха Готтлиба Клопштока (1724–1803). Лучшая часть его наследия – три дра-

⁶⁵ *Wiegiers* 2003. S. 223-240.

⁶⁶ См.: *Willems* 2013.

⁶⁷ *Essen* 2008. S. 21.

мы, написанные на материале из жизни древних германцев, которые сам автор называл «бардитами» (от *Barditus*), т.е. произведениями барда. Бардом в знак уважения к старой немецкой литературной традиции любил именовать себя сам Клопшток. «Бардиты» состояли из трех пьес: «Битва Германа» (1769), «Герман и князя» (1784) и «Смерть Германа» (1787). Наибольшими художественными достоинствами отличается первая часть трилогии. Герман изображается Клопштоком как объединитель германских земель. В трилогии осуждается племенная знать, из-за корыстных побуждений предавшая Германию и вступившая в сговор с римлянами⁶⁸. Политическая актуальность «бардит» для Германии XVIII в. была очевидна. Клопшток уходит в прошлое ради того, чтобы извлечь из него уроки для современности, чтобы осудить сепаратистскую политику немецких князей. Таким образом, для немцев, тяжело переживших разруху и хаос Тридцатилетней войны, отбросившей Германию чуть ли не к временам варварства, и остро ощущавших национальное унижение, Арминий/Герман становится национальным символом: «Лучшие умы в историческом споре с соседями пытались найти контраргументы в далеком прошлом, и Арминий, разгромивший римлян, был самым убедительным из них. Выросшая на этом энтузиазме литература XVIII в. трансформировала исторический факт в миф: Арминий, предводитель германцев «вырос» в народного немецкого героя, основателя нации Германа»⁶⁹.

Миф об «общем прошлом»: формирование нации

Действительно, во второй половине XVIII в. немецкие национальные мифы получают новый импульс для развития. Это было связано как с политическими (Семилетняя война 1756–1763 гг.), так и с экономическими (кризис 1770 г.) потрясениями, опять заставлявшими немцев задуматься о своем месте в Европе и о том, что является их отечеством. С началом семилетней войны в просвещенных кругах создаются «патриотические общества» для обсуждения проблем, связанных с трактовкой понятий «нация», «патриотизм» и «общественное благо». В их уставах уже говорится об общем благе «немецкого Отечества», об обновлении и чистоте, о необходимости «сохранять и распространять немецкую добродетель и обычаи»⁷⁰. Символические конструкции, созданные на основе «Германии» Тацита, и пущенные в ход в XVI–XVII вв., в XVIII в. становятся общепринятыми клише в среде немецких просветителей. В этот период также вновь встает вопрос о немецком патриотизме, который известный немецкий просветитель Кристоф Мартин Виланд (1733–1813) сравнивал с голубем Ноя, кружащим над водой в поисках твердой почвы⁷¹. Патриотизм мог относиться к местности, городу, отдельному госу-

⁶⁸ Hermans *Schlachten*... S. 50.

⁶⁹ *Межгерцукский* 2009. С. 81.

⁷⁰ *Медяков* 2005. С. 362.

⁷¹ *Hardtwig* 1994. S. 11.

дарству, Империи. Этот плюрализм отечеств был важной проблемой для немцев XVIII в. С другой стороны, патриотизм мог пониматься как нравственная добродетель, как служение общему благу и борьба с моральным упадком в своем отечестве. Под моральным упадком понимались сепаратизм и засилье французского языка и французской культуры, в первую очередь, при дворах князей и курфюрстов. Как и их предшественники, немецкие просветители видели причину современного им упадка немецких земель в отказе от собственной культуры и истории.

Постепенно идея патриотизма приобретает отчетливую политическую окраску, что нашло выражение не только в пьесах Клопштока. В 1769–1775 гг. в Геттингене действует поэтическое содружество «Союз Рощи», оно насчитывало примерно 20 членов, известных поэтов, ставших родоначальниками немецкой национально-патриотической лирики, расцвет которой придется на первую половину XIX в. Критический настрой этой поэзии, адресованной «среднему сословию», с которым ассоциировались «исконно немецкие» ценности, был направлен против германских дворов, объявленных центрами предательского сепаратизма, разврата и засилья чужеземного влияния. Добрый немецкий бюргер, предстательный как истинный «сын Отечества», противостоит аристократу так же, как старые немецкие добродетели противостоят французской безнравственности. Причем со «старыми» немецкими добродетелями тесно связан современный каталог буржуазно-протестантских представлений о ценностях: немец честен, благороден, добр, придерживается «добродетельных строгих обычаев», «откровенен и прям», «скромен и неприхотлив, не нуждается в роскоши»⁷². Еще Юстус Мёзер в своей «Оснабрюкской хронике» утверждал, что все добродетели германцев наилучшим образом сохранились в современном ему нижнесаксонском крестьянине⁷³. Буржуазные добродетели, берущие начало от германцев «Тацита», также тесно связаны с религиозностью и близостью немцев к Богу, что делает последних априори праведнее и лучше других европейцев. Этот тезис, например, отстаивал в своей «Немецкой песне» 1772 г. один из членов «Союза Рощи», Иоганн Мартин Миллер (1750–1814), когда восклицал в конце: «То, что я – немец, /вселяет радость в мое сердце и помыслы! / Так как истинный немец / всегда самый лучший христианин!»⁷⁴. Для сознания немецких поэтов XVIII в., которые не могли представить себе картину мира без религии, апелляция к Богу и связанному с ним учению Христа была, возможно, главным оправданием политических и иных притязаний в периоды раздробленности и упадка Германии, когда других достижений, кроме мифов о происхождении, империи, национальных добродетелях и языке, немцы предъявить миру не могли.

⁷² Der Göttinger Hain... 1967. S. 14ff.

⁷³ Dann 1987. S. 314.

⁷⁴ Miller 1988. S. 180.

Вековая травма, нанесенная национальному самолюбию открытым пренебрежением со стороны более сильных соседей, особенно Франции, время от времени давала о себе знать. На фоне болезненно переживаемого несоответствия сформированных мифами представлений о «великой древней истории», о «немецком превосходстве» и связанных с ними завышенных ожиданий печальному современному состоянию германских земель, с одной стороны, происходит политизация патриотизма, с другой – растет осознание немцами собственной “национальной ущербоности”. Выше мы привели полную оптимизма и гордости выдержку из сочинения Юстуса Георга Шоттеля «Подробная работа о главном языке немцев», отражающую внутреннее самоощущение немцев в конце XVII в., сформированное в большой степени на основе национальных мифов. Прошло сто лет и писатель и политик Фридрих Карл фон Мозер (1723–1798), в прошлом один из членов поэтического «Союза Роши», в работе с характерным названием «О немецком национальном духе» (1794) также рисует, на этот раз полную пессимизма, картину самовосприятия немцев, отражающую тот психологический кризис, в котором оказалось национальное самосознание в конце XVIII в. Наряду с перечислением всё тех же немецких достоинств он не может не констатировать печального настоящего немцев, потомков германцев и обладателей Империи: «Мы – единый народ, объединенный общим именем, общим языком, общим великим прошлым и общим верховным властителем; единообразным устройством и законами, определяющими наши права и обязанности; с общим великим влечением к свободе. Мы объединены нашим более чем столетним, национальным собранием для великой цели под сенью внутренней мощи и силы первой Империи в Европе, короны которой сияют на головах немецких властителей. – И что же? – Мы такие, каковы есть, мы уже на протяжении столетий отмечены в истории мира загадками политической конституции, грабежом со стороны соседей, давно стали предметом их насмешек. Мы не в ладу сами с собой, ослаблены нашей разобщенностью, но достаточно сильны для того, чтобы вредить самим себе. Мы бессильны, чтобы спасти себя, безразличны к чести нашего имени, равнодушны к достоинству наших законов, завидуем роскоши наших властителей, не доверяем друг другу, не связаны общими принципами, жестоки в их насаждении. Мы – великий, и при этом презираемый, обладающий всеми возможностями для счастья, но, в действительности достойный горького сожаления народ»⁷⁵. Приведенный отрывок свидетельствует, на наш взгляд, не только о духовном и национальном кризисе, охватившем часть немецких интеллектуалов в конце XVIII в., но и о нелинейности, скачкообразности развития национального самосознания, переживающего свои подъемы в моменты, требующие всеобщей мобилизации, и спады во времена застоя, когда интенсивность

---

⁷⁵ Moser F.C. v. Von dem deutschen Nationalgeist // *Dann* 1987. S. 326.

прямого воздействия мифов на сознание падает. Но они продолжают оказывать косвенное влияние, которое выражается в желании части литераторов и художников уйти от печальной действительности в мифическое прошлое, и уже оттуда апеллировать к настоящему. Частично отсюда – увлечение народными «сказаниями седой старины о былом величии немцев», фольклором, подражанием средневековым вагантам и миннезингерам. В качестве такой реакции на настроения, царящие в образованной среде, можно рассматривать призыв Иоганна Генриха Фосса (1751–1826) в его стихотворении с характерным названием «К немецкой твердости»: «Ударь сильнее по струнам своей лиры, / Ты, о, сын Отечества! / И пой вопреки упрямству бритта и насмешкам галла»⁷⁶. Использование архаической лексики, стилизация под старину, апелляция к древнему противостоению германцев и галлов должны были создать иллюзию «голоса», обращённого к нынешним немцам из «славного прошлого», которое еще помнит о давних победах, а, следовательно, гарантирует им новые победы в будущем.

Свой вклад в развитие национальной идеи внесло и Просвещение, которое, по выражению немецкого историка Вольфганга Хардтвига, «в Германии... было немецким, оно знало это и хотело таким быть»⁷⁷. Если во Франции основной задачей Просвещения была эмансипация «третьего сословия», то в Германии на повестке дня стояла историческая задача национального объединения, уже выполненная Францией. Поэтому освободительные тенденции немецкого Просвещения тесно переплетаются с идеей национального самосознания. В центре просветительского направления в литературе стояло движение «Буря и натиск», выступавшее против застывших форм и рамок классицизма за природную простоту и естественность в искусстве. Его программным документом стал небольшой сборник «О немецком характере и искусстве» (1773), куда наряду со статьей Вольфганга Гете «О немецком зодчестве», посвященной готическому стилю как специфически немецкому, были включены две работы Иоганна Готфрида Гердера (1744–1803): «Извлечения из переписки об Оссиане и о песнях древних народов» и «Шекспир». Все три работы были посвящены не только общим вопросам истории литературы и архитектуры, но и осмыслению немецкого прошлого и национального своеобразия немецкой культуры. В частности, оба автора, излагая свои исторические и искусствоведческие концепции, противопоставляют «живость», «естественность» и «самобытность» исконно немецкого народного искусства – готики и фольклора – искусственным застывшим формам французского и итальянского классицизма⁷⁸. Первоначальное противопоставление языков – «естественного» немецкого и «искус-

⁷⁶ *Vofß J.G.* An Teuthart // *Der Göttinger Hainbund*... S. 205.

⁷⁷ *Hardwig* 1994. S. 44.

⁷⁸ *Dann* 1987. S. 320–324.

ственных» романских языков, как выражения сущности народа, распространенное в XVII в., перешло на противопоставления в сфере искусства, тоже как одной их форм проявления национальной сущности.

Следом за сборником «О немецком характере...», последовали другие работы Гердера, в частности «Еще одна философия истории» (1774), а с 1784 г. начинается публикация главного труда немецкого философа «Идеи к философии истории человечества», оказавшего, по словам Гете, «невероятно большое влияние на национальное воспитание немецкой нации»⁷⁹. Если «Германия» Тацита заложила основы германского мифа, а литературная деятельность гуманистов XV–XVII вв. способствовала его оформлению и распространению среди образованной части немецкого населения, то встраивание Гердером старого мифа в свою философскую концепцию истории стало его общеевропейским триумфом. Миф о происхождении и генетической связи между древними германцами и современными немцами, как представителями одного народа, получил международную научную легитимацию. В своем описании древних германцев Гердер почти всегда называет «немцами», в крайнем случае – «немецкими народами»: «В древности немцы росли как дубы, медленно, прочно, несокрушимо – не было соблазнов на немецкой земле, а весь привычный жизненный уклад, вся жизненная нужда воспитывали и в мужчинах, и в женщинах стремление к добродетели... Таковы они и теперь – благородные немецкие мужчины и женщины»⁸⁰. Полумифическая история древних германских племен, завоевавших когда-то могущественную Римскую империю, официально стала частью национальной истории немцев.

В чащах леса, начинает свой сказочный рассказ Гердер, с лугами и болотами, жили немцы, а рядом с немцами – «этими людьми-героями, жили лось и тур, давно истребленные немецкие звери-герои»⁸¹. В своем описании облика, нравов и добродетелей германцев Гердер во многом опирается на Тацита: высокий рост, сильное тело, красота и стройность, «наводящие ужас голубые глаза, и все это одухотворено верностью и воздержанностью»⁸². И дальше, не нарушая общепринятого канона, идеальным германцам он традиционно противопоставляет «развратных, выродившихся» римлян. Но затем Гердер отходит от первоисточника и начинает на базе Тацита, опираясь на труды своих предшественников, на основные положения имперского мифа, суммируя и обобщая все созданные до него идеологические конструкции, создавать свой миф о немцах – главной нации Европы. Во-первых, немцам Европа обязана своим политико-государственным устройством: «Начиная с Черного моря и по всей Европе немцы наводили ужас... Они основали все цар-

⁷⁹ Эккерман 1934. С. 248.

⁸⁰ Гердер 1977. С. 466.

⁸¹ Там же. С. 468.

⁸² Там же. С. 466.

ства, которые существуют в Европе поныне, они учредили существующие сословия, утвердили их законы. Не раз брали они Рим... они основали христианскую империю в Иерусалиме. Еще и теперь управляют они всеми четырьмя частями света – или царят в них государи, которых они посадили на престолы Европы, или сами троны учреждены были ими»⁸³. Во-вторых, немцы – главные защитники Европы от варваров: «Немцы не только завоевали, возделали и переустроили по своему образцу большую часть Европы, но и охраняли и защищали ее от полчищ варваров. Иначе в Европе не могло бы взрасти и то, что пошло в ней в рост»⁸⁴. В-третьих, немцы – главные учителя народов Европы. Обладая большой мобильностью, они мигрировали на Север, Восток и Запад, повсюду развивая науки и искусства. В-четвертых, немцы всегда были «крепкой стеной» для защиты христианства от язычников. И, наконец, вывод, к которому приходит Гердер: немцы, благодаря своим добродетелям, воинственности и племенному характеру – «столпы Европы, на которых утверждены культура, свобода и независимость Европы»⁸⁵.

Гердер обобщил все достоинства и заслуги перед Европой, приписанные немецкими литераторами за два века своим соотечественникам и, отталкиваясь от небольшого сочинения Тацита, перекинул воображаемый мост от античности, через всю европейскую историю, в современную ему действительность. Именно тем, что немцы-германцы на протяжении всей своей истории были заняты войнами (то с Римом, то с варварами, то сражались в крестовых походах во славу Христа), устройством и защитой Европы, развитием наук и искусств у других народов, словом радели за все европейское человечество, но не занимались собственными делами, объясняется сегодняшнее плачевное состояние германских земель. Немцы – особая нация, призванная Богом за свои добродетели для осуществления особой миссии: заботе о судьбах Европы и христианства. Таким образом Гердер дает ответ Мозеру и многим другим пребывающим во фрустрации образованным немцам конца XVIII в., почему такой великий народ, сегодня слаб, разобщен и занимает более чем скромное место среди своих европейских соседей. Но главное, сконструированный Гердером новый миф давал немцам надежду: опираясь на свое героическое прошлое, создать не менее великое будущее.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.

Тацит К. О происхождении германцев // Тацит К. Анналы. Малые произведения / Пер. А.С. Бобовича. М.: Наука, 1993. В 2-х т.

Эккерман И.П. Разговоры с Гете. М., 1934.

⁸³ Там же. С. 466.

⁸⁴ Там же. С. 469.

⁸⁵ Там же. С. 470.

- Bebel H.* Lob Deutschlands // Der deutsche Staatsgedanke von seinen Anfängen bis auf Leibniz und Friedrich den Grossen / Von P. Joachimsen. Darmstadt, 1967.
- Celtis C.* Oratio Ingelstadio publice recitata // Ed. H. Rupprich. Leipzig, 1932.
- Der Göttinger Hain. Textversammlung / Hrsg. Kellertat A. Stuttgart, 1967.
- Grimmelshausen H.J.Ch.* Der Teutsche Michel // Grimmelshausen H.J.Ch. Werke in vier Bänden / Bibliothek deutscher Klassiker. Berlin, Weimar: Aufbau-Verlag, 1972.
- Harsdörfer G.Ph.* Nathan und Jothan. (1659) / Hrsg. Braungart G./ Stuttgart, 1998.
- Hutten U. v. Arminius* // Die Schule des Tyrannen. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1996.
- Hutten U. v. Freiheit der Deutschen Nation* / Hrsg. Gottmann E. Jena, 1943.
- Klaj J.* Lobrede der Teutschen Poeterey // Klaj J. Redeoratorien. Tübingen, 1965.
- Klaj J.* Geburtstag des Friedens // Klaj J. Redeoratorien. Tübingen, 1965.
- Miller J.M.* Das deutsche Lied // Der Göttinger Hainbund / Hrsg. Sauer A. Stuttgart, 1988.
- Opitz M.* Buch von der deutschen Poeterey // Ausgewählte Dichtungen / Hrsg. Östley C. // Deutsche Nationalliteratur. Bd. XXVII. Stuttgart, 1888.
- Riesbeck J.K.* Der deutsche ist der Mann für die Welt // Schulze H. Der Weg zum Nationalstaat. München, 1997.
- Rompler von Löwenhalt J.* Des Jesaias Romplers... erstes Gebüsch seiner Reimgedichte. Tübingen, 1988.
- Schottel J.G.* Ausführliche Arbeit von der Teutschen Hauptsprache (1663) / Hrsg. Hecht W. 2 Bd. Tübingen, 1967.
- Wimpfeling J.* Germania // Der deutsche Staatsgedanke von seinen Anfängen bis auf Leibniz und Friedrich den Großen. Dokumente und Entwicklung. Zusammengestellt und eingeleitet von Joachimsen P. Darmstadt, 1967.

Литература

- Афанасьев А.Н.* Происхождение мифа, метод и средства его изучения // Афанасьев А.Н. Дерево жизни: избранные статьи. М.: Современник, 1982. С. 21–36.
- Доронин А.* Историк и его миф. М.: РОССПЭН, 2007. 255 с.
- Кольев А.* Политическая мифология. Ремифологизация социального опыта. М.: РОССПЭН, 2002. 336 с.
- Лазарева А.М.* Национальная мысль в Германии в эпоху Тридцатилетней войны. Автореф. дисс. М., 2008.
- Лазарева А.В.* Образ врага и становление немецкой национальной идеи в годы Тридцатилетней войны (1618 – 1648) // Вопросы истории. 2013. № 2. С. 110–121.
- Межеричкий Я.Ю.* Римская экспансия в Правобережной Германии и гибель легионов Вара в 9 г. н.э. // Норция. Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2009. Вып. 6. С. 80–111.
- Медяков А.С.* Национальная идея и национальное сознание немцев // Национальная идея в Западной Европе / Под ред. Бондарчука В.С. М., 2005.
- Проскурина В.* Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: Новое литературное обозрение, 2006.
- Франсуа Э.* «Места памяти» по-немецки: как писать их историю? // Ab Imperio. 2004. № 1. С. 29–43.
- Шенк Ф.Б.* Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
- Шенк Ф.Б.* Политический миф и коллективная идентичность: миф Александра Невского в российской истории (1263–1998) // Ab Imperio. 2001. N 1-2. С. 141–164.
- Эрлих С.* История мифа. СПб: Алетей, 2006.
- Anderson B.* Imagined Communities. Reflections on the Origin and the Spread of Nationalism. London, 1990.
- Ahlzweig C.* Muttersprache – Vaterland. Die deutsche Nation und ihre Sprache. Opladen, 1994.
- Borinski K.* Poetik der Renaissance und die Anfänge der literarischen Kritik in Deutschland. Berlin, 1886.

- Broder L., Keil S. Deutsche Legenden vom „Dolchstoß“ und anderen Mythen der Geschichte. Berlin: Rowohlt, 2002. 404 S.
- Dann O. Herder und die deutsche Bewegung//Johann Gottfried Herder 1744–1803 / Hrsg. Sauder G. Hamburg; 1987.
- Dörner A. Politischer Mythos und symbolische Politik Der Hermann-Mythos: Zur Entstehung des Nationalbewusstseins der Deutschen. Hamburg, 1996.
- Duchhardt H. Altes Reich und europäisches Staatenwelt 1648–1806. München, 1990.
- Elwert G. Nationalismus und Ethnizität. Über Bildung von Wir-Gruppen//Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1989, N 41.
- Flacke M. (Hg.) Mythen und Nationen. Ein europäisches Panorama. Berlin, 1998.
- Halbwachs M. The Collective Memory/Trans. by F.I. and V.Y. Ditter. N.Y., 1980.
- Nora P. Les lieux de memoire. Paris, 1984 – 1994.
- Hardwig W. Ulrich von Hutten. Zum Verhältnis von Individuum, Stand und Nation in Reformationszeit/Nationalismus und Bürgerkultur in Deutschland 1500 - 1914. Göttingen, 1994.
- Hardwig W. Nationalismus und Bürgerkultur in Deutschland 1500–1914. Göttingen, 1994.
- Hermans Schlachten. Zur Literaturgeschichte eines nationalen Mythos / Hrsg. Wagner-Egelhaaf M. Bielefeld: Aisthesis Verlag, 2008.
- Hübner K. Die Wahrheit des Mythos. München: Verlag Kark Alber Freiburg, 1985.
- Kaufmann T. Edler Wilde, grausiger Heide, Fürstenknecht und Kämpfer für die Nation: Der Germane in den Bildprojektionen von der Bauernkriegszeit bis zur Romantik//Fansa M. (Hrsg.) Vorausschlacht und Germanen Mythos. Oldenburg, 1993.
- Kösters K. Mythos Arminius. Die Vorausschlacht und ihre Folgen. Münster: Aschendorff, 2009.
- Langewiesche D. Nation, Nationalismus, Nationalstaat in Deutschland und Europa. München, 2000.
- Lübbe-Wolf G. Die Bedeutung der Lehre von den vier Weltreichen für das Staatsrecht des römisch-deutschen Reiches//Der Staat, 1984, N23. S. 369–389.
- Mythen und Nationen. Ein europäisches Panorama. Berlin, 1998.
- Münkler H. Die Deutschen und ihre Mythen. Berlin: Rowohlt, 2009, 639 S.
- Politische und historische Mythen in 19. Und 20. Jahrhundert in Mittel- und Osteuropa/Hrsg. Hein-Kirchel H., Hahn H.H./ Marburg: Verlag Herder-Institut, 2006.
- Schilling H. Nationale Identität und Konfession in der europäischen Neuzeit//Nationale und kulturelle Identität. Studien zur Entwicklung des kollektiven Bewusstseins in der Neuzeit. Frankfurt a.M., 1991.
- Schmidt G. Der Dreißigjährige Krieg. München, 2002.
- Schulze H. Francois E. (Hg.) Deutsche Erinnerungsorte. Bd.1. München, 2001.
- Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 1. München, 1987.
- Willems G. Geschichte der deutschen Literatur. Band 1. Barock. Böhlau Köln: UTB Verlag, 2013.

REFERENCES

Istochniki

- Gerder I.G. Idei k filosofii istorii chelovechestva. M., 1977.
- Tacit K. O proishozhdenii germancev // Tacit K. Annaly. Malye proizvedenija / Per. A.S. Bobovicha. M.: Nauka, 1993. V 2-h t.
- Jekkerman I.P. Razgovory s Gete. M., 1934.
- Bebel H. Lob Deutschlands // Der deutsche Staatsgedanke von seinen Anfängen bis auf Leibniz und Friedrich den Grossen / Von P. Joachimsen. Darmstadt, 1967.
- Celtis C. Oratio Ingelstadio publice recitata // Ed. H. Rupprich. Leipzig, 1932.
- Der Göttinger Hain. Textversammlung / Hrsg. Kellertat A. Stuttgart, 1967.
- Grimmelshausen H.J.Ch. Der Teutsche Michel // Grimmelshausen H.J.Ch. Werke in vier Bänden /Bibliothek deutscher Klassiker. Berlin, Weimar: Aufbau-Verlag, 1972.

- Harsdörfer G.Ph. Nathan und Jothan. (1659) / Hrsg. Braungart G./ Stuttgart, 1998.
- Hutten U. v. Arminius // Die Schule des Tyrannen. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1996.
- Hutten U. v. Freiheit der Deutschen Nation / Hrsg. Gottmann E. Jena, 1943.
- Klaj J. Lobrede der Teutschen Poeterey // Klaj J. Redeoratorien. Tübingen, 1965.
- Klaj J. Geburtstag des Friedens // Klaj J. Redeoratorien. Tübingen, 1965.
- Miller J.M. Das deutsche Lied // Der Göttinger Hainbund / Hrsg. Sauer A. Stuttgart, 1988.
- Opitz M. Buch von der deutschen Poeterey // Ausgewählte Dichtungen / Hrsg. Östeley C. // Deutsche Nationalliteratur. Bd. XXVII. Stuttgart, 1888.
- Riesbeck J.K. Der deutsche ist der Mann für die Welt // Schulze H. Der Weg zum Nationalstaat. München, 1997.
- Rompler von Löwenhalt J. Des Jesaias Romplers... erstes Gebüsch seiner Reimgedichte. Tübingen, 1988.
- Schottel J.G. Ausführliche Arbeit von der Teutschen Hauptsprache (1663) / Hrsg. Hecht W. 2 Bd. Tübingen, 1967.
- Wimpfeling J. Germania // Der deutsche Staatsgedanke von seinen Anfängen bis auf Leibniz und Friedrich den Großen. Dokumente und Entwicklung. Zusammengestellt und eingeleitet von Joachimsen P. Darmstadt, 1967.

Literatura

- Afanas'ev A.N. Proishozhdenie mifa, metod i sredstva ego izuchenija//Afanas'ev A.N. Derevo zhizni: izbrannye stat'i. M.: Sovremennik, 1982. S. 21–36.
- Doronin A. Istorik i ego mif. M.: ROSSPJeN, 2007. 255 s.
- Kol'ev A. Politicheskaja mifologija. Remifologizacija social'nogo opyta. M.: ROSSPJeN, 2002. 336 s.
- Lazareva A.M. Nacional'naja mysl' v Germanii v jepohu Tridcatiletnej vojny. Avtoref. diss. M., 2008.
- Lazareva A.V. Obraz vruga i stanovlenie nemeckoj nacional'noj idei v gody Tridcatiletnej vojny (1618 – 1648) // Voprosy istorii. 2013. № 2. S. 110–121.
- Mezherickij Ja.Ju. Rimskaja jekspansija v Pravoberezhnoj Germanii i gibel' legio-nov Vara v 9 g. n.je. // Norcija. Voronezh: IPC VGU, 2009. Vyp. 6. S. 80–111.
- Medjakov A.S. Nacional'naja ideja i nacional'noe soznanie nemecev // Nacional'naja ideja v Zapadnoj Evrope / Pod red. Bondarchuka V.S. M., 2005.
- Proskurina V. Mify imperii. Literatura i vlast' v jepohu Ekateriny II. M.: No-voe literaturnoe obozrenie, 2006.
- Fransua Je. «Mesta pamjati» po-nemecki: kak pisat' ih istoriju? // Ab Imperio. 2004. № 1. S. 29-43.
- Shenk F.B. Aleksandr Nevskij v ruskoj kul'turnoj pamjati: svjatoj, pravitel', nacional'nyj geroj. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007.
- Shenk F.B. Politicheskij mif i kollektivnaja identichnost': mif Aleksandra Nevskogo v rossijskoj istorii (1263–1998) // Ab Imperio. 2001. N 1-2. S. 141–164.
- Jerlih S. Istorija mifa. SPb: Aletejja, 2006.
- Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and the Spread of Nationalism. London, 1990.
- Ahlzweig C. Muttersprache – Vaterland. Die deutsche Nation und ihre Sprache. Opladen, 1994.
- Borinski K. Poetik der Renaissance und die Anfänge der literarischen Kritik in Deutschland. Berlin, 1886.
- Broder L., Keil S. Deutsche Legenden vom „Dolchstoß“ und anderen Mythen der Geschichte. Berlin: Rowohlt, 2002. 404 S.
- Dann O. Herder und die deutsche Bewegung//Johann Gottfried Herder 1744–1803 / Hrsg. Sauder G. Hamburg; 1987.

- Dörner A. Politischer Mythos und symbolische Politik Der Hermann-Mythos: Zur Entstehung des Nationalbewusstseins der Deutschen. Hamburg, 1996.
- Duchhardt H. Altes Reich und europäisches Staatenwelt 1648–1806. München, 1990.
- Elwert G. Nationalismus und Ethnizität. Über Bildung von Wir-Gruppen//Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 1989, N 41.
- Flacke M. (Hg.) Mythen und Nationen. Ein europäisches Panorama. Berlin, 1998.
- Halbwachs M. The Collective Memory/Trans. by F.I. and V.Y. Ditter. N.Y., 1980.
- Nora P. Les lieux de memoire. Paris, 1984 – 1994.
- Hardwig W. Ulrich von Hutten. Zum Verhältnis von Individuum, Stand und Nation in Reformationszeit/Nationalismus und Bürgerkultur in Deutschland 1500 - 1914. Göttingen, 1994.
- Hardtwig W. Nationalismus und Bürgerkultur in Deutschland 1500–1914. Göttingen, 1994.
- Hermans Schlachten. Zur Literaturgeschichte eines nationalen Mythos / Hrsg. Wagner-Egelhaaf M. Bielefeld: Aisthesis Verlag, 2008.
- Hübner K. Die Wahrheit des Mythos. München: Verlag Kark Alber Freiburg, 1985.
- Kaufmann T. Edler Wilde, grausiger Heide, Fürstenknecht und Kämpfer für die Nation: Der Germane in den Bildprojektionen von der Bauernkriegszeit bis zur Romantik//Fansa M. (Hrsg.) Vorausschlacht und Germanen Mythos. Oldenburg, 1993.
- Kösters K. Mythos Arminius. Die Vorausschlacht und ihre Folgen. Münster: Aschendorff, 2009.
- Langewiesche D. Nation, Nationalismus, Nationalstaat in Deutschland und Europa. München, 2000.
- Lübbe-Wolf G. Die Bedeutung der Lehre von den vier Weltreichen für das Staatsrecht des römisch-deutschen Reiches//Der Staat, 1984, N23. S. 369–389.
- Mythen und Nationen. Ein europäisches Panorama. Berlin, 1998.
- Münkler H. Die Deutschen und ihre Mythen. Berlin: Rowohlt, 2009, 639 S.
- Politische und historische Mythen in 19. Und 20. Jahrhundert in Mittel- und Osteuropa//Hrsg. Hein-Kirchel H., Hahn H.H./ Marburg: Verlag Herder-Institut, 2006.
- Schilling H. Nationale Identität und Konfession in der europäischen Neuzeit//Nationale und kulturelle Identität. Studien zur Entwicklung des kollektiven Bewusstseins in der Neuzeit. Frankfurt a.M., 1991.
- Schmidt G. Der Dreißigjährige Krieg. München, 2002.
- Schulze H. Francois E. (Hg.) Deutsche Erinnerungsorte. Bd.1. München, 2001.
- Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 1. München, 1987.
- Willems G. Geschichte der deutschen Literatur. Band 1. Barock. Böhlau Köln: UTB Verlag, 2013.

Заиченко Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; o.v.zaichenko@gmail.com

The German myth: German intellectuals in search of the ‘shared past’ and national identity

The paper is based on the analysis of German literature of the 12th – 13th centuries. The study is aimed to describe the process of the construction of fundamental myth of the German history by the German intellectuals, and to structure it by three basic components: myths about ancient Germans, myths about the superiority of the German language, and myths about Arminius – leader of the Germanic tribe Cherusci.

Keywords: Germany, historical memory, national identity, construction of national myths, intellectual elite, “culture-based nation”.

Olga Zaichenko, PhD, research fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; o.v.zaichenko@gmail.com